

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«МАГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ»

Наталья Жильцова
«Глория. Пять сердец тьмы»

Елена Малиновская
«Провинциалка в высшем свете.
Дым без огня»

Аня Сокол
«Призраки не умеют лгать»

Ева Никольская
«Зачарованный город N»

Карина Демина
«Голодная Бездна»

ДЖАРИНА
ЕМИНА

ГОЛОДНАЯ
— БЕЗДНА —

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

Д30 Голодная бездна : [роман] / Карина Демина. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Магический детектив).

ISBN 978-5-17-097285-2

У Нью-Арка сотня лиц и тысяча жадных ртов, ведь Бездна, над которой он построен, вечно голодна. И вновь исчезают на улицах дети, в подпольном баре расстреливают бутлегеров, а из реки вылавливают очередное тело старлетки-светлячка с лилией во рту. Вот-вот разразится новая гангстерская война, а проклятая Свирель, оказавшись в чужих руках, откроет ворота в Бездну. И чтобы предотвратить возвращение низвергнутых богов, Мэйнфорд, старший малефик полицейского управления, должен отыскать того, кто начал большую игру. Но что может он сам, способный слышать голоса города и потому почти обезумевший? Разве что попросить о помощи новую чтицу. Правда, она, кажется, ненавидит Мэйнфорда... Впрочем, какое это имеет значение для дела?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097285-2

© К. Демина, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ГЛАВА 1

Мишка боялся темноты.

Тельма совершенно точно знала, что ее плюшевый мишка боялся темноты. И шорохов. Чужих людей. Он был вообще очень боязливым, что, конечно, совершенно неприемлемо для медведя. Но няня утверждала, что конкретно для этого медведя можно сделать исключение ввиду его плюшевости.

— Не бойся, — уверенным шепотом повторила Тельма и на всякий случай подняла ноги.

Под кроватью копошились тени.

И пахло плохо.

Нет, не под кроватью, но вообще в доме. В их с мамой доме прежде никогда так не пахло. И чужие люди, если и появлялись, то вели себя иначе, чем нынешние. А так... пол скрипел. Кто-то с кем-то разговаривал и громко. Кто-то даже ругался — немислимое дело. И Тельма зажала медведю уши.

— Не слушай, — строго сказала она, — это плохие слова.

Она все-таки решила сползти с кровати.

И медведя взяла. Пусть самолично увидит, что за порогом ничего ужасного не происходит.

До порога целых семь шагов. И дверь открывается беззвучно. В коридоре темно, и медведь требует вернуться. Позвонить няне. Тельма же качает головой: она звонила трижды, но няня, обычно являвшаяся сразу, теперь почему-то задерживалась.

А вдруг что-то случилось?

Тельма не хочет думать о таком, но дурные мысли лезут в голову. О ворах. Или о том убийце, про которого рассказывала миз Картерс, повариха, а мама ее еще отчитала за то, что горничным головы всякой ерундой забивает.

Откуда на Острове убийцам взяться?

Внизу горел свет.

А люди, которых Тельма слышала распрекрасно, куда-то исчезли.

Мамины гости?

КАРИНА ДЕМИНА

Мама бы предупредила. Она всегда предупреждала, когда приходили гости. И даже разрешала Тельме немного посидеть, конечно, если Тельма вела себя подобающим образом. А она всегда вела себя подобающим образом, ее все хвалили, а мистер Фоккер обещал, что когда Тельма подрастет, то он возьмет ее в свой театр. Это было бы замечательно — работать в театре вместе с мамой.

Лестница казалась бесконечной.

А коридор, опустевший, освещенный тускло, пугал уже не только медведя.

Тихо... когда гости, тихо не бывает. Миссис Фокс играет на пианино, а мама поет, или еще Лючия, которая очень толстая, но это потому, что у нее голос волшебный и худеть ей никак нельзя. Поэтому для Лючии готовят эклеры и корзиночки со взбитыми сливками, а еще ставят вазу с сырыми куриными яйцами, от которых голос становится мягче.

Нет, Лючию Тельма услышала бы.

Она прошла мимо приоткрытой гостиной, остановившись на мгновение.

— ...Боги милосердные... я виноват... — Тельма не видела мужчину, но лишь тень на пороге. — Я должен был предвидеть, что она...

Гаррет.

Откуда он взялся? Он ведь уехал. Мама сказала, что Гаррет уехал на весь уик-энд. И что когда вернется, они поженятся, и тогда Тельма сможет называть Гаррета папой.

Глупость какая.

Тельма ведь не маленькая, она знает, что Гаррет — вовсе не ее отец, и он тоже знает. И вообще, он ей совсем не нравится, даже больше не нравится, чем мистер Найтли, который как-то бросил, что Тельма поразительно некрасива. Но мистера Найтли Тельма простила, он, в конце концов, правду сказал, а вот Гаррет лгал.

Только мама почему-то не видела.

И сияла рядом с ним ярко-ярко. Ей даже новый контракт предложили в синема-сериале, и мама согласилась, потому что за синематографом будущее и, быть может, театры вовсе отомрут. Конечно, мистер Фоккер сердился, он синематографистов не любил, все твердил, что они извращают саму суть высокого искусства, но мамин агент сказал, что нельзя упускать возможность... сложно все во взрослом мире.

ГОЛОДНАЯ БЕЗДНА

— Прекрати. Что ты мог знать? — этот голос был незнаком, как и тень — коренастая, разлапистая, отдаленно похожая на старый дуб. — Что ей придет в голову избавиться от ребенка?

Тельма нахмурилась.

Нехорошо подслушивать чужие разговоры. И мама разозлилась бы, узнай она, но... что-то мешало Тельме поступить так, как надлежит поступать воспитанной юной леди.

— Я... я не собирался их бросать! Нет... конечно, об официальном признании и речи быть не могло... ты ведь понимаешь... моя карьера... меня бы не поняли, если бы я... одно дело — знакомство с мисс Деррингер, и совсем другое — роман...

Роман — это книга.

Толстая книга, которых в библиотеке множество, и некоторые Тельме трогать не дозволено, потому что они написаны для взрослых. А иные и вовсе заперты, но Тельма книг не любит.

Скучные.

Нет, она умеет читать и читает, ведь если пойдет работать в театр — а она непременно пойдет работать в театр, когда вырастет, — ей придется читать и сценарии, и роли, и вообще много чего. Да и мама радуется, когда учителя хвалят Тельму.

— До выборов всего полгода... и у меня отличные перспективы... но я бы никогда не оставил своего ребенка... и Элизу... зачем она?

— Если хочешь, вызовем чтеца...

— Нет! — от этого крика Тельма отпрянула и пребольно ударилась о кованую подставку не то для цветов, не то для свечей, не то для хрупкой вазы. — Нет... не надо тревожить ее покой...

— Остаточные воспоминания...

— Ничего не изменят, Мэйни... Элиза не оживет, а я... я ведь и так знаю... в контракте дело... в проклятом том контракте...

Гаррет всегда говорил громко, даже когда за столом не было никого, кроме мамы и самой Тельмы. И улыбался. Тельме не нравилась его улыбка, пустая. И мистер Найтли соглашался, называл Гаррета политическим дерьмом. Но дерьмо — это очень плохое слово, и Тельма делала вид, будто не слышит его. Ведь именно так и надлежит поступать очень воспитанным особам...

— ...я умолял ее не подписывать... зачем ей синематограф? Она и так была известна, но нет... агент настаивал... и гонорар

КАРИНА ДЕМИНА

обещали приличный... но неустойка... если бы она отказалась... двести тысяч...

Он говорил еще о чем-то, но Тельма не слушала. Она вдруг явственно осознала: случилось страшное. Здесь, в их с мамой доме. И Гаррет знает, что именно.

Мама...

Мама не разрешает Тельме гулять по ночам. Ночью дети должны спать. И она точно рассердится, если Тельма, нарушив все запреты, явится в мамину спальню. Но страшнее маминого гнева — как-нибудь Тельма переживет — было то, нехорошее, что чувствовалось в воздухе.

Запах.

Густой запах, словно все розовые кусты расцвели разом, чего быть не могло. И то, розы пахнут сладко, приторно, но не так. И лилии... мама терпеть не могла лилии, особенно белые, а ей после очередной премьеры слали целые корзины, и дом пах кладбищем.

Это мистер Найтли выражался.

Он всякий раз предлагал лилии выкинуть, но мама отказывалась. Нельзя так поступать с подарками.

Тельма сунула медведя под мышку, и подхватила подол ночной рубашки. Та была великовата, нянька вечно покупала вещи на вырост, утверждая, что ребенку и так сойдет. В конце концов, кто увидит Тельму в этой вот рубашке, кроме, конечно, самой няньки?

Никто.

А мама... главное, чтобы мама была... сказала, что ночные страхи — это глупость, что Тельма уже большая — ей скоро девять, а она все еще боится темноты.

И теней.

Шорохов.

Нет, она не боится. Медведь все... плюшевый... и мама поймет, поругается, быть может, но потом обнимет Тельму, поцелует и сама проводит наверх, в детскую. И в кровать уложит, споет колыбельную, ту, которая из «Волшебной страны». Тельма смотрела этот спектакль много-много раз, и была готова смотреть еще и еще.

Запах сделался нестерпим.

Тельма зажала пальцами нос.

Гадость какая!

Дверь была приоткрыта.

ГОЛОДНАЯ БЕЗДНА

Странно. Мама терпеть не могла, когда в ее спальне дверь оставляли открытой, и даже горничную одну рассчитала, потому что та не желала запомнить это простое правило. А вот теперь... и пахло... уже совсем даже не цветами.

Духами.

Теми мерзкими, которые Гаррет на прошлой неделе преподнес. Крошечный флакон, альвийский хрусталь и духи, получается, тоже альвийские. Но вонючие — жуть. Тельма только чуть-чуть попробовала, и ее пришлось дважды купать, чтобы запах немного смылся.

А мама сказала, что духи эти — особые, их не так, как обычные, используют.

На кончике иглы.

И тогда запах получается волшебный, а если как Тельма, пальцами и за уши, то и вонять будут.

В маминой спальне духи разлили. То есть Тельме так показалось, что разлили, но нет, вот тот флакончик из темного хрустала, стоит на туалетном столике. Закрытый. А почему воняет?

— Мама?

Тельма отпустила медведя.

— Мама... мне страшно...

Красное на кровати.

Мама варенье пролила? Или вино? Она пила иногда вино, а Тельме пробовать не разрешали, потому что вино — это только для взрослых. Но Тельме не разрешали и есть в постели. Или взрослым можно? Взрослым и без того можно куда больше, чем детям, и Тельма мечтает поскорее вырасти. Когда она станет большой, то будет обходиться без няньки.

И без горничной, которая заплетает слишком тугие косички.

Тельма велит сделать ей прическу, как у мамы. И мамину помаду возьмет, или лучше собственную...

— Мам...

Мама лежала.

Она как-то некрасиво лежала, на боку. И простыней накрылась с головой. Зачем простыня? Одеяло есть, а она простыней... и шелковой... эти простыни мама никогда не любила, все повторяла, что ей бязевые милей, а шелк слишком холодный и скользкий. И вообще, это сущее расточительство, платить по двадцать пять талеров за комплект простыней.

А тут...

КАРИНА ДЕМИНА

— Мамочка, — позвала Тельма, и собственный голос прозвучал тихо-тихо. — Мамочка, тебе плохо?

Если так, то надо позвать доктора. Мистер Саймон добрый и придет сразу же, как тогда, когда у Тельмы случилась горячка. Он трогал лоб и порошки прописывал горькие, а еще повторял, что юным леди болеть не стоит, что болезни — для стариков.

Мамина рука выскользнула из-под простыни, белая, гладкая как змея... и неправильная.

Тельма не сразу понял, что было неправильно.

Кольцо.

То кольцо с желтым камнем, которое Гаррет позавчера подарил, исчезло.

— Мам?

Тельма коснулась руки, а та оказалась ледяной, как... как мороженая клубника, из-за которой потом болело горло.

— Мама!

Пальцы шелохнулись и вцепились в ладонь Тельмы. И тело на кровати — уже тело, Тельма это знала совершенно точно — выгнулось. Сползла простыня...

... она и мертвая была прекрасна.

Теперь Тельма совершенно точно знала, что ее мать была мертва. Из раскрытого рта раздался сдавленный сип, пахло сырой землей...

... и Тельма проснулась.

Она открыла глаза, все еще пребывая в состоянии полусна, полуяви, но уже почти осознав себя. И просто лежала, пялясь на серый потолок.

Снова.

Где-то далеко загромыхал состав, и пусть до железной дороги было с четверть мили, но треклятая хибара, в которой Тельму угораздило снять квартиру, затряслась. Всякий раз у Тельмы возникало подозрение, что однажды дом просто развалится. И она искренне надеялась, что в этот, отнюдь не замечательный момент, она будет находиться где-нибудь подальше.

— Вставать пора, — сказала Тельма, мазнув рукой по глазам. Слава богам, слез не было. Закончились на первом году приютской жизни. Какой смысл плакать, когда из утешителей — один медведь. Он, верный, и ныне сидел на покосившейся полке. Жизнь изрядно его потрепала. В боях с приютскими детьми медведь лишился глаза и уха, а еще обзавелся кривым швом-шрамом через все плюшевое тело. Тельма сама шила, помнится, все

ГОЛОДНАЯ БЕЗДНА

пальцы исколола, но странное дело, они с медведем стали лишь ближе.

— Встаю, уже встаю... ты прав, нехорошо опаздывать в первый же рабочий день... — она сползла с кровати и поморщилась.

Пол был не просто холодным — ледяным.

Значит, трубы вновь прорвало. Или просто перекрыли их, не желая тратить газ. В конце концов, в этом клоповнике жаловаться не станут, а если станут, то управляющий пошлет всех жалобщиков куда подальше, и отнюдь не в жилищную управу.

Что ж, в Нью-Арке походи попробуй отыскать жилье, чтоб дешево, и в центре, и приличное.

Вода из крана потекла тонкою ржавою струйкой и, что характерно, тоже холодная. А ведь только вчера Тельма четвертак в котел бросила. Неужто, закончился? Или соседи, ублюдки этикие, не побоялись трубу врезать?

Ничего.

Тельма разберется с этим вечером, а пока...

Она чистила зубы и мрачно разглядывала себя же в замызганном зеркале. Хороша, нечего сказать. Некрасива. Прав был мистер Найтли в своей оскорбительной откровенности. В Тельме нет ничего от знаменитой Элизы Деррингер.

И к лучшему.

Он, тот, другой, видел ее лишь мельком и десять лет тому, глядишь и не вспомнит. Маму точно бы вспомнил, а Тельма... кто такая Тельма?

... что с девчонкой делать? — Этот голос донесся сквозь красный туман, провонявший альвийскими духами. И второй, ответивший ему с немалым раздражением:

— А что ты сделаешь? В приют сдай...

Тельма сплюнула горькую пасту и вытерла рот ладонью.

... в приют...

Ублюдки.

Ничего... десять лет прошло... целых десять лет. А с другой стороны — всего десять. И Тельма ничего не забыла.

ГЛАВА 2

Дорогой Мэйни!

Полагаю, ты и сейчас будешь слишком занят, чтобы ответить мне, как был занят в последние семь лет. Признаться,

КАРИНА ДЕМИНА

я долго думала, стоит ли вообще отвлекать тебя от твоих исключительно важности дел подобными пустяками, но совесть и столь нелюбимый тобой, но все же существующий, родственник долг не дают мне промолчать. Поэтому дай себе труд прочесть письмо до конца и отнестись к сказанному серьезно. Хотя, конечно, что могу я слабым своим женским умом понимать в вещах серьезных?

Пускай.

Мое дело сказать тебе, твое — решать, относиться ли к сказанному как к бабьей блажи, — и не морщись, Мэйни, я прекрасно знаю истинное твое отношение ко мне и всем женщинам — или же попытаться поверить, что не только ты в этом мире способен к мыслительному процессу.

Мэйнфорд поморщился: дражайшая сестрица и в лучшие времена отличалась излишней многословностью, и не стоило надеяться, что годы и должность хоть сколько бы ее изменили. Но письмо он не отправил в корзину. Иногда сестрица умудрялась сообщать и вправду полезные вещи.

А за сим бесконечно счастлива сообщить тебе, дорогой Мэйни, что твой запрос на предоставление третьему участку чтеца удовлетворен.

Мэйнфорд хмыкнул.

Вот уж и вправду новость... только новостью она перестала быть недели две тому.

Более того, тебе повезло получить лучшего выпускника, который, вернее, которая изъявила непонятное мне желание работать в твоём крысятнике.

Что?

Мэйнфорд прочел дважды.

Которая?

Они что, пришлют на участок бабу?

Томную девицу с голубыми глазами и головой, плотно забитой романтическими бреднями о храбрых дознавателях и коварных злодеях, в поимке которых дева желала принять самое непосредственное участие?

ГОЛОДНАЯ БЕЗДНА

*Полагаю, ты вновь сквернословил, что несколько прими-
ряет меня с необходимостью писать тебе. Конечно же, ты был
слишком занят, чтобы запросить личное дело тещи...*

Мэйнфорд выругался.

От души.

Следовало признать, что дорогая сестрица успела его изу-
чить.

Занят...

Сначала те убийства на Таббор-стрит. Потом ограбление.
Девять ограблений за неделю, и ублюдки умудрились уйти с до-
бычей, что совсем не обрадовало начальство. Молоденькая ак-
триска-светлячок, отравившая соперницу мышьяком...

Этот город давно обезумел, быть может, он изначально был
безумен, построенный на крови, костях и кладбище чужих
богов. И главное, что Мэйнфорд чувствовал, как медленно, не-
удержимо и сам соскальзывает в бездну.

... та давно уже ждала. Заждалась, можно сказать.

К Низвергнутому город.

Без тещи отделение задыхалось. Конечно, ребята работали,
как умели, но одно дело — опрос свидетелей, каждый из кото-
рых приукрашивает события в меру своей фантазии, и другое —
более-менее приличный слепок.

А они шлют барышню.

Да ее после первого же выезда откачивать придется. А через
неделю что? В Тихую пристань уйдет?

Твою ж...

*Мэйнфорд, а теперь постарайся засунуть свой скептицизм
в задницу и отнестись к девочке серьезно. Она отнюдь не глупо-
ватая блондинка, из тех, с которыми ты предпочитаешь кру-
тить романы. У Тельмы первый уровень с перспективой выхода
на нулевой. Потенциал ее огромен...*

... и что толку от этого потенциала, если использовать его не
выйдет?

*...и будь ее желание, Тельма получила бы место в До-
ме-на-Холмах, не говоря уже о том, что на распределение при-
были представители всех Корпораций.*

КАРИНА ДЕМИНА

... вот и ехала бы к цвергам. Или к альвам. Мэйнфорд успел усвоить, что к альвам юные девы относятся с особым трепетом, который изрядно экономит оным альвам, что время, что средства.

Как лучшая в выпуске, Тельма получила право выбора...

... только выбрала она как-то криво.

... и представь удивление комиссии, когда из всех заявок, она приняла именно твою. Мэйни, будь осторожен! Тельма — умная девочка, хотя ты напрочь отказываешься верить в существование женского ума. Но она никогда и ничего не делает просто так. И если уж она предпочла твой клоповник двадцатитысячному контракту, на то имеется веская причина. Другое дело, что я и близко не могу предположить, что именно подвигло Тельму на подобный шаг, и это меня, признаться, несколько тревожит.

... а уж как это тревожит Мэйнфорда. По прихоти взбалмошной девицы и он, и все третье отделение остались без чтеца.

Лучшая?

Да может, и лучшая на тренировочных полигонах. И артефакты старинные считывать умеет великолепно, но вряд ли девица когда-либо в куцей своей жизни с трупами сталкивалась.

С кровью.

С бессмысленной человеческой жестокостью, в которую собралась нырнуть...

... я пыталась поговорить с ней, но Тельма... она мила, вежлива, не более того. И отвечала ровным счетом то, что я хотела бы услышать. То есть ее ответы были слишком правильными, чтобы относиться к ним всерьез.

Я чувствую в ней не то, что второе дно, скорее омут, который Тельма скрывает ото всех. И скрывает так хорошо, что штатный наш душевед не способен даже почувствовать наличие этого омута.

Мэйнфорд пробежался по строкам.

Понятно.

Дорогая сестрица в очередной раз видит то, чего на деле не существует. Омуты, призраки... нет, призраки, естественно,

ГОЛОДНАЯ БЕЗДНА

встречались Мэйнфорду, но в большинстве своем были созданиями безобидными. Остаточные эманации личности, не более.

Ладно, в Бездну первородную призраков вместе со всеми страхами сестрицы. Хватит и без них проблем... или не проблем, но...

Мэйнфорд потер переносицу.

Ничего.

Он посмотрит на эту особу особо одаренную. А потом придумает, как от нее избавиться, чтобы отделение не пострадало.

Самое забавное, что, невзирая на уверения сестры, Тельма Дварге была блондинкой.

Голубоглазой.

На удивление некрасивой.

Блеклая.

Вымытая дождем добела. Волосы обрезаны неровно, вымокли, слиплись. Капли воды блестят на коже, которая тоже слишком бледна. Такая у трупов бывает, а никак не у живых людей.

Квадратное безбровое лицо с тяжелым подбородком. Узкие губы. А нос массивный с горбинкой. Глаза же, прозрачные, что лед, на этом лице теряются.

Форменный костюм сидит на ней... а как на корове седло и сидит.

Слишком высокая она.

Тощая.

И пиджак висит, что на вешалке. А юбка, кажется, вот-вот сползет.

— Вы нам не подходите, — Мэйнфорд нарочно разглядывал новенькую пристально, пожалуй, чересчур уж пристально. Не отказал себе в удовольствии задержаться взглядом в вырезе пиджака, в котором, правда, видна была лишь серая рубашка. И на ноги пялился старательно, хотя ноги, мосластые, слишком мускулистые, того не стоили.

— То есть, — блондинка заговорила низким грудным голосом, — вы отказываетесь от меня?

Она не краснела.

Не белела.

Не заикалась. Она спрашивала спокойно. И если повезет, если в ее голове, как то утверждала сестрица, и вправду имеется хоть капля мозгов — должна же Матушка-Природа хоть как-то